

Заключение

на проект федерального закона «Об основах системы профилактики домашнего насилия в Российской Федерации»

В настоящем заключении изложены результаты исследования содержания и направленности проекта федерального закона «Об основах системы профилактики домашнего насилия в Российской Федерации», подготовленного рабочей группой под руководством заместителя Председателя Совета Федерации Г.Н. Кареловой, в редакции на 09.10.2019 (далее – законопроект). Названный законопроект ещё не внесён в Государственную Думу, находится на предварительной стадии обсуждения.

Анализ законопроекта даёт необходимые и достаточные основания для выводов о том, что этот законопроект, по существу, направлен не на профилактику домашнего насилия, он лишь риторически прикрыт декларациями такого содержания, а в реальности направлен на достижение совершенно иных целей. И этот законопроект обладает многочисленными существенными (нередко – критическими) правовыми дефектами¹, предопределяющими совершенно иные правовые и социальные последствия, нежели это было публично заявлено его разработчиками. В действительности, отсутствуют надлежащие фактические и юридические основания (релевантные с точки зрения публичных интересов), детерминирующие необходимость принятия данного конкретного проекта федерального закона.

Имеются необходимые и достаточные основания для выводов о выраженной субверсивности (подрывном характере, высокой степени разрушительности) этого законопроекта по отношению к публичному порядку Российской Федерации, традиционным российским духовно-нравственным ценностям, в том числе традиционным нравственным основам семьи и семейному укладу российского общества, действующей системе обеспечения правовой охраны и защиты семей и несовершеннолетних детей, о противоречии законопроекта конституционно-гарантированным правам российских семей (прежде всего – семей с детьми), детей и их родителей (законных представителей).

Ниже эти выводы развёрнуто изложены и обоснованы.

¹ Концептуальная основа понимания и выявления дефектов и дисфункций нормативного правового регулирования изложена в: *Понкин И.В.* Девиантология государственного управления: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 301 с.

1. Создание законопроектом (как одна из двух основных его целей) правовых основ и условий для крайне аморального субверсивного (подрывного, разрушительного) частного бизнеса на умышленном систематическом третировании и разрушении семей

Следует разделять риторику, прикрывающую реальные интересы, реализованные в законопроекте, и реальные его содержание и направленность.

Наделение законопроектом большого круга государственных органов практически неограниченными (даже исчерпывающе чётко не сформулированными), явно редундантными (чрезмерно избыточными) и, по существу, бесконтрольными полномочиями по вторжению во внутренние дела семьи (наиболее жёсткие полномочия – вынесение судебного защитного предписания, вынесение защитного предписания органом внутренних дел) способно принести один только вред (и очень значительный) российским семьям и, в целом, институту семьи в России.

Но самое первое, что бросается в глаза в исследуемом законопроекте, – это его настроенность и нацеленность на обеспечение и сопровождение сугубо частных коммерческих, идеологических и иных интересов неких *«некоммерческих организаций, осуществляющих в соответствии с учредительными документами деятельность в сфере профилактики домашнего насилия»* (по смыслу подпункта 6 пункта 1 статьи 8, статей 17, 18 и др. законопроекта), интегрируемых в *«систему профилактики домашнего насилия»* и позиционируемых как один из *«субъектов профилактики домашнего насилия»* или одно из *«участующих в профилактике домашнего насилия лиц»* (статья 2 законопроекта) – в части организации и ведения таковыми своего частного крайне аморального, субверсивного (подрывного, разрушительного) бизнеса (за счёт государственного бюджета и иных источников) на вторжении во внутренние, полностью автономные дела семей, на умышленном третировании и преследовании, порочении, разрушении семей, в абсолютном большинстве случаев – по надуманным, заведомо ложным основаниям.

Следует отметить полное отсутствие в законопроекте критериев отбора и допуска таких некоммерческих организаций к *«деятельности в сфере профилактики домашнего насилия»*.

Единственный идентификатор, критерий отбора таких организаций в законопроекте – это исключительно только наличие в их уставах строчки о том, что они *«ведут деятельность в сфере профилактики домашнего насилия»* (подпункт 6 пункта 1 и пункт 4 статьи 8, статьи 17, 18 и др. законопроекта).

Никаких указаний или ограничений по организационно-правовым формам таких (допускаемых с широчайшими полномочиями в сферу семейных отношений) некоммерческих организаций не устанавливается. То есть формально в семью может прийти религиозная организация (как частный случай некоммерческой организации – согласно пункту 3 статьи 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О некоммерческих организациях»), и совершенно не обязательно той же конфессиональной принадлежности, что и сама эта семья, и даже религиозная группа, поскольку пункт 3 статьи 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О некоммерческих организациях» относит к числу некоммерческих организаций и религиозные объединения, то есть, в числе прочего, религиозные группы.

Исследуемый законопроект не указывает на необходимость наличия государственной регистрации в установленном порядке такой некоммерческой организации.

Между тем, Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «Об общественных объединениях» гарантирует права создаваемых гражданами общественных объединений функционировать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица (последний абзац статьи 3). И у таких незарегистрированных общественных объединений тоже могут быть уставы.

Статья 17 законопроекта говорит об *«общественных объединениях и иных организациях, осуществляющих, в соответствии с учредительными документами, деятельность в сфере профилактики домашнего насилия»*, а статья 18 законопроекта – о некоммерческих организациях, ведущих такую деятельность, но формулировка статьи 17 вполне охватывается формулировкой статьи 18, а не конкретизирует её.

Следует отметить полное отсутствие в законопроекте критериев отбора и допуска конкретных лиц – представителей, членов, сотрудников и т.п. таких некоммерческих организаций к *«деятельности в сфере профилактики домашнего насилия»*, а также требований в части наличия профильного образования и уровня квалификации, несудимости. То есть даже вышедшие из тюрьмы, отбывшие наказание педофилы, убийцы, насильники и т.п. вполне допускаются законопроектом к тому, чтобы свободно поискать себя на поприще хорошо оплачиваемого из государственного бюджета вторжения в семьи, подзаработать на этом.

Но даже и среди лиц, не имевших судимости, множество психопатов и социопатов. И если, к примеру, от учителей в школе и воспитателей в дошкольных учреждениях требуют справки о психическом здоровье, то тут совершенно кто попало допускается к детям в семьях.

Кроме того, нет никаких оснований тому, чтобы семья с детьми была бы понуждена выслушивать абсурдные фантазии бездетной женщины, ничего не понимающей в воспитании детей (возможные исключения лишь подтверждают правило). То же касается и бездетного мужчины.

Таким образом, речь идёт о наделении законопроектом совершенно неограниченного круга лиц (по сути дела – вообще кого попало) совершенно беспрецедентными по объёму и юридически очень весомыми полномочиями по произвольному (см. далее) вмешательству во внутренние дела семьи.

По существу, тем самым, законопроектом создаётся (стимулируется создание) множество, можно сказать, «групп швондеров сегодня» (от известного литературного персонажа Швондера), которым создаются и обеспечиваются льготные условия для реализации ими полнейшего произвола в отношении российских семей.

Нет совершенно никаких гарантий того, что указанные «некоммерческие организации» не станут легальным прикрытием для групп педофилов, асоциальных религиозных сект или организованных преступных групп, осуществляющих торговлю детьми.

Мы отдаем себе отчёт и вполне допускаем, что существуют вполне конструктивно, нравственно и добросовестно действующие в рассматриваемой сфере некоммерческие организации, но законопроект никак не закрепляет отбор именно таких. Возможно даже, что в законопроекте в последующем предложат закрепить такие критерии отбора, но наделять и в этом случае некоммерческие организации рассматриваемыми полномочиями нет никаких юридических и фактических оснований.

Указанные некоммерческие организации законопроектом наделяются следующими правами в отношении семей:

– осуществлять общественный контроль в сфере семейно-бытовых отношений (часть 1 статьи 18), – при этом формы и пределы такого *«общественного контроля»* законопроектом не оговариваются;

– обращаться в органы внутренних дел или суд с заявлением о вынесении защитного или судебного защитного предписания *«по просьбе пострадавшего либо его законного представителя»* (часть 3 статьи 18), – как именно такие «просьбы» отбираются и фиксируются, законопроектом не оговаривается;

– обращаться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе, либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределённого круга лиц (единственная оговорка – *«заявление в защиту законных интересов недееспособного или несовершеннолетнего*

гражданина в этих случаях может быть подано с согласия его законного представителя») (часть 2 статьи 18);

– «принимать участие в индивидуальной профилактической работе с лицами, в отношении которого применяются меры индивидуальной профилактики домашнего насилия», посредством участия в различных формах «профилактического воздействия», включая осуществление взаимодействия с субъектами профилактики домашнего насилия по вопросам профилактики домашнего насилия, с «общественными объединениями и иными организациями, осуществляющими, в соответствии с учредительными документами, деятельность в сфере профилактики домашнего насилия и предоставляющими социальные услуги пострадавшим от домашнего насилия и (или) лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации», посредством «осуществления контроля качества предоставляемых ими услуг на соответствие установленным стандартам оказания социальных услуг, содействие развитию указанных объединений и организаций; осуществления учёта данных об оказании помощи лицам, пострадавшим от домашнего насилия, обобщения, систематизации и анализа полученной информации» (пункт 5 статьи 17 во взаимосвязи с пунктами 1, 7–9 части 1 статьи 11 законопроекта);

– осуществлять широчайший круг полномочий при привлечении их со стороны федеральных органов власти, органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления (часть 4 статьи 18);

– принимать «участие в выявлении и устранении причин и условий, способствующих домашнему насилию» (пункт 1 статьи 17); «выявлять факты домашнего насилия и граждан, совершающих домашнее насилие» (пункт 1 части 1 статьи 20); «своевременно реагировать на факты домашнего насилия посредством взаимодействия субъектов профилактики домашнего насилия» (пункт 2 части 1 статьи 20); «предупреждать домашнее насилие» (пункт 3 части 1 статьи 20), – способы и пределы выявления и устранения «причин и условий, способствующих домашнему насилию», предупреждения такового и реагирования на таковое законопроектом не оговариваются, а значит – отнесены к достаточно произвольному усмотрению самих «групп швондеров сегодня»;

– содействовать «примирению потерпевшего с нарушителем» (пункт 2 статьи 17);

– оказывать «правовую, социальную, психологическую и иную помощь пострадавшим от домашнего насилия лицам и (или) лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации» (пункт 2 статьи 17);

– «оказывать социальные услуги пострадавшим от домашнего насилия и (или) лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации» (пункт 3 статьи 17);

– «принимать меры по социальной реабилитации лиц, «пострадавших от домашнего насилия», и «лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации» (пункт 3 статьи 17);

– проводить «информационные кампании, направленные на профилактику домашнего насилия и просвещения населения в сфере семейно-бытовых отношений» (пункт 4 статьи 17); проводить просветительскую работу с «пострадавшими» (часть 1 статьи 18), – мера принудительности, время и места проведения такой просветительской работы и её объёмы законопроектом не оговорены;

– «осуществлять учёт данных об оказании помощи лицам, пострадавшим от домашнего насилия, обобщать, систематизировать и анализировать полученную информацию» (пункт 6 статьи 17); вести профилактический учёт (сбор, регистрацию, обработку, хранение и предоставление информации), в том числе с использованием автоматизированных информационных систем (статья 29);

– оказывать «социальные услуги» «пострадавшим от домашнего насилия» (часть 1 статьи 18)

– принимать «меры по социальной адаптации и социальной реабилитации пострадавших от домашнего насилия» (часть 1 статьи 18), – что это за «меры», законопроектом не оговаривается;

– проводить «специализированные психологические программы с нарушителями» (часть 1 статьи 18, статья 31);

– принимать участие в осуществлении профилактического надзора (статья 30).

И это далеко не полный перечень полномочий, которыми законопроект наделяет «группы швондеров сегодня».

А норма подпункта 6 пункта 2 статьи 20 законопроекта, относящая к числу мер реализации «основных направлений профилактики домашнего насилия» следующее: «иные меры, не запрещённые законодательством Российской Федерации», – превращает полномочия «групп швондеров сегодня», а заодно разнообразных государственных и муниципальных органов в просто безграничные, беспредельные. Что, в свою очередь, делает семью в России совсем уж бесправной.

К примеру, основания для вторжения в семью, согласно законопроекту, возникнут, если у неких третьих лиц появятся «основания полагать, что нарушитель может причинить им моральный, физический, имущественный вред, либо воспрепятствовать их законной деятельности, реализации прав, либо высказывает угрозы, оскорбления в их адрес» (пункт 2 статьи 6), или же если

«группа швондеров сегодня» «непосредственно обнаружит» «обстоятельства, или данные, свидетельствующие о совершении домашнего насилия, попытках его совершения или угрозах его совершения» (пункт 1 статьи 24).

При этом существенно важным является то, что для несовершеннолетних и недееспособных лиц «получение» ими «помощи пострадавшим от домашнего насилия» недобровольно (пункт 7 статьи 4), то есть ни самих таких лиц, ни родителей несовершеннолетних никто ни о чём спрашивать не намерен относительно навязываемый «помощи».

Все эти формулировки настолько размыты и неконкретны, а указанные полномочия не конкретизированы механизмами их реализации и не уравновешены действенными гарантиями охраны и защиты прав семей, что принятие законопроекта неминуемо повлечёт массовые нарушения прав семей и прав ребёнка.

Законодательное обременение родителей какими бы то ни было обязательствами перед какими-либо некоммерческими негосударственными организациями является совершенно противоправным. Нет и быть не может никаких юридических и фактических оснований для того, что позволять каким-то абсолютно посторонним людям произвольно соваться в дела семьи. Сама эта идея в основе своей в высшей степени порочна, а её реализация повлечёт грубейшее противоправное разрушение внешних границ семьи, внешних границ пространства частной личной и семейной жизни.

Родителям нет и быть не может никакого дела до того, что какие-то некоммерческие организации «уполномочил» какой-то чиновник. Передача государством функций по защите прав ребёнка, по контролю и сопровождению проблемных семей (или мнимо проблемных семей) некоммерческим негосударственным организациям является очень серьёзным пороком исследуемого законопроекта.

И это помимо того, что ещё более значительными полномочиями наделяются в отношении семей разнообразные государственные и муниципальные органы, что тоже ничем не оправданно.

Под всё это законопроектом подводится немалая бюджетная финансовая основа, превращающее такую деятельность в финансово привлекательную: *«Государственные органы в соответствии со своей компетенцией поддерживают... некоммерческие организации в их деятельности по профилактике домашнего насилия. Некоммерческим организациям в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и законами субъектов Российской Федерации, предоставляется финансовая поддержка за счёт средств государственного и (или) регионального бюджетов. В*

соответствии с проведённым открытым конкурсом предложенные ими программы мероприятий по профилактике домашнего насилия включаются в ведомственный или региональный план» (части 2 и 3 статьи 45 законопроекта). В этом и состоит одна из основных причин появления на свет данного законопроекта.

Разработчики законопроекта создают вовсе не дополнительный к государственному контроль над семьёй в интересах семьи, не общественный контроль над семьёй, который и без того уже есть и реализуется через государственные органы, которым народ и делегировал соответствующие полномочия, а вводят противоправный (с конституционной точки зрения) контроль со стороны определённой совокупности некоммерческих организаций, которые намерены осуществлять своеобразный бизнес (получая деньги от государства) на вмешательстве в дела семей.

Чтобы оправдать своё существование и потребление бюджетных средств или во исполнение каких-то собственных частных, не имеющих реально никакого отношения к правам ребёнка и правам других членов семей, мотивов и интенций (к примеру, перверсивных, либо же связанных с замыслом и стремлением свести личные счёты, и проч.) некоммерческие организации будут массово вторгаться в российские семьи. Согласно законодательству, семья хотя и обладает определённым «суверенитетом» от общества и государства, но она не полностью независима и не изолирована, однако произвольно вторгаться в семью (без наличия строго указанных в законе оснований и причин) российским законодательством и международно-правовыми гарантиями прав ребёнка не дозволено никому. Полагаем, именно этим и определяется стремление разработчиков законопроекта закрепить правовые основы для такого (всё равно неправомерного – с точки зрения норм Конституции Российской Федерации и норм международного права) вторжения в российские семьи.

Конституционные гарантии охраны тайны и неприкосновенности частной личной и семейной жизни разработчиками законопроекта начисто проигнорированы. Любые документы, любая информация о семье сможет быть отныне доступна совершенно посторонним лицам.

Основной вопрос: какова необходимость и оправданность всех этих предлагаемых законопроектом мер?

Сегодня существует и активно применяется институт лишения родительских прав, органы опеки и попечительства наделены необходимой совокупностью полномочий, вполне достаточных для активной и эффективной защиты прав ребёнка. Имеются необходимые уголовно-правовые механизмы превенции и пресечения побоев и иных издевательств в семье. Действуют

подразделения по делам несовершеннолетних в системе МВД России. Есть судебные механизмы защиты прав детей и других членов семей. Нужно совершенствовать эти институты и инструменты.

Направленность законопроекта именно на втягивание в решение этих вопросов некоммерческого сектора, а также на несбалансированное (правовыми ограничениями и закреплением детально прописанных процедур) закрепление неоправданно большого расширения полномочий чиновников позволяет оценить общую направленность законопроекта как репрессивную, а сам законопроект – как в существенной мере коррупциогенный.

2. Противоречащий российскому публичному порядку и/или дефектный в силу иных причин дефинитивно-терминологический аппарат законопроекта

Законопроект характеризуется крайней степенью запутанности использованных терминов и дефектностью их определений, что грубейшим образом вступает в непримиримое противоречие с такими требованиями законодательной и, в целом, юридической техники, как требования исчерпывающей определённости и ясности правовых норм.

Используются одновременно лексические конструкции «*домашнее насилие*» (определение дано в статье 2), «*семейно-бытовое насилие*» (использовано в статье 2, но определение не дано, нет соотнесения с предыдущей лексической конструкцией), «*правонарушения, совершённые на семейно-бытовой почве*» (пункт 6 части 1 статьи 10) и ряд схожих, так же чётко не соотносимых в законопроекте с понятием «*домашнее насилие*».

Совершенно дефектны в законопроекте определения видов насилия, а ведь на этом парадигмально и логически выстроен весь этот законопроект, поскольку в нём закреплено, что таковой «*устанавливает: 1) правовую и организационные основы профилактики домашнего насилия; 2) основные принципы и направления профилактики домашнего насилия; 3) права пострадавших от домашнего насилия; 4) полномочия субъектов системы профилактики домашнего насилия; 5) формы профилактического воздействия*» (статья 1).

Практически все нормы-дефиниции, изложенные в статье 2 законопроекта, не выдерживают никакой критики. Законодательное закрепление одних только таких дефиниций, предлагаемых статьёй 2 законопроекта, уже повлечёт принудительное разрушительное воздействие извне (или реальную угрозу этого) в отношении практически всех семей в Российской Федерации и массовое изъятие из российских семей детей с принудительной передачей их на государственное

содержание в детских домах (или гомосексуальным двойкам², чего в действительности, в числе прочего, и добиваются разработчики законопроекта).

Согласно многочисленным позициям Европейского суда по правам человека, размытость и неопределённость правового регулирования – это бесспорно грубый недостаток законодательства, влекущий априорное грубое нарушение права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного и гарантированного параграфом 1 статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950³, пунктом 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966⁴, статьёй 10 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948⁵. Такая позиция подтверждена Европейским судом по правам человека в целой линейке его решений (Постановление от 26.03.1982 по делу «Адольф против Австрии»⁶, Постановление от 06.04.2004 по делу «Хелен Стил и Дэвид Моррис против Соединенного Королевства»⁷ и мн. др.).

² См.: Понкин И.В., Кузнецов М.Н., Михалева Н.А. О нарушениях прав детей при их «усыновлении» гомосексуальными союзами (однополыми партнерствами): Доклад от 17.09.2013 // Правовые основы защиты общества от агрессивного давления субверсивной идеологии аморализма / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. – М.: Буки-Веди, 2016. – 232 с. – С. 12–54.

³ Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950, измененная и дополненная Протоколом № 11 // <<http://conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/005.htm>>.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах / Принят Резолюцией № 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 // <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml>.

⁵ Всеобщая декларация прав человека / Принята Резолюцией № 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml>.

⁶ Постановление Европейского суда по правам человека от 26.03.1982 по делу «Адольф против Австрии» [Case of Adolf v. Austria / Judgment of the European Court of Human Rights, 26 March 1982 (Application № 8269/78)] // <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57417>>.

⁷ Постановление Европейского суда по правам человека (Четвёртой секции) от 06.04.2004 по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» [Case of Helen Steel and David Morris against the United Kingdom / Judgment of the European Court of Human Rights, 06.04.2004 (Application № 68416/01)] // <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-23839>>.

2.1. Дефектность дефиниции понятия «домашнее насилие» в законопроекте

Законопроект устанавливает следующее дефектное определение домашнего насилия (одного из ключевых понятий этого законопроекта): *«домашнее насилие – умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) или угроза его совершения в отношении одного или нескольких близких родственников (лиц), если это деяние причиняет вред жизни, здоровью и (или) имуществу таких лиц, либо создаётся угроза причинения вреда»* (статья 2), сразу же задающее вектор и тон всему законопроекту, онтологию проективно-отстраиваемого этим законопроектом правового порядка.

Употребление лексической конструкции *«создаётся угроза причинения вреда»* (во взаимосвязи с *«умышленное противоправное бездействие»* и *«угроза его совершения»*, при крайне вольном, произвольно размытом содержании понятия *«вред»* в законопроекте) превращает понятие *«домашнее насилие»* в «резиновое», оболочечное, вполне наполняемое вообще чем угодно и чем попало.

Требуемая конкретизация формулировка *«вред имуществу»*. Какому имуществу? Телевизору, автомобилю или воздушному шару, пачке одноразовых салфеток? Какой именно вред? Если речь идёт об основаниях разрушения семей, эти вещи придётся детализированно прописывать, разъяснять.

Ещё более дефектной и создающей неограниченные условия для беззакония и произвола в отношении российских семей эта дефиниция понятия *«домашнее насилие»* становится во взаимосвязи с закрепляемыми законопроектом дефинициями видов «насилия».

2.2. Дефектность дефиниций понятий «семья» и «близкие лица» в законопроекте

Дефектным является закрепляемое статьёй 2 законопроекта определение ещё одного своего базового понятия – «семья»: *«семья – лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство»*.

Законопроект рассогласован с нормами и устоявшимися интерпретациями Семейного кодекса Российской Федерации. Редуцирование (ограничение) объёма понятия семьи до его произвольно зауженной интерпретации не имеет под собой никаких оснований. Части семьи (к примеру, выросшие дети со своими семьями, выросшие и проходящие учёбу вдали от родительского дома) могут проживать отдельно и не вести общее хозяйство с родителями, дедушками и бабушками, что не делает никакой из этих частей семьи исключением из понятия семьи.

Что самое важное, в этом определении из объёма понятия «семья» исключаются муж и жена – супруги.

Из статьи 14 Семейного кодекса Российской Федерации вытекает обоснованность определения круга близких родственников следующим образом: родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушка, бабушка, внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры. А также из этой статьи следует, что муж и жена – это не родственники, это, согласно семейному праву, именно муж и жена, супруги.

Супруги связаны не отношениями родства, а отношениями, вытекающими из брака⁸.

Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.09.2019) разводит понятия супругов (лиц, состоящих в соответствии с семейным законодательством Российской Федерации в брачных отношениях) и понятия лиц, связанных отношениями родства или свойства (подпункт 3 пункта 1 статьи 20).

Указанное определение понятия «семья» в статье 2 законопроекта, кроме того, не включает таких очевидных членов семьи, как усыновители (усыновитель) и усыновленное лицо, а также попечители (попечитель) и опекаемое лицо (в тех семьях, где они есть).

Кроме того, Семейный кодекс Российской Федерации не знает лексемы «свойство» (природа и наименование связи в семейных отношениях; статус – «свойственник», частный случай – свояк, свояченица), употреблённой в определении понятия «семья» в статье 2 законопроекта. Из сложившегося в языковом сознании понимания этого понятия следует, что к таковому понятию может быть отнесён весьма обширный круг лиц.

Это понятие употреблено в Федеральном законе от 05.04.2003 № 44-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О порядке учёта доходов и расчёта среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи», но не как исчерпывающе определённый элемент семьи.

В ряде актов, типа Постановления Правительства РФ от 07.11.2005 № 656 (ред. от 29.12.2016) «Об утверждении Положения об установлении мер по недопущению возникновения конфликта интересов в сфере накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих», супруги в перечислениях с упоминаниями лиц, находящихся в отношениях близкого

⁸ Методические пояснения Федеральной службы государственной статистики // <https://www.gks.ru/bgd/regl/b08_69/IssWWW.exe/Stg/01-00.htm>.

родства или свойства, относятся к предваряющему указанные упоминания понятию «члены семей», но не к этой конструкции.

И поскольку указанное понятие – «лица, связанные свойством» – исчерпывающе не раскрыто в законодательстве Российской Федерации, то авторы законопроекта, следовательно, преднамеренно и целенаправленно трансформируют, разрушительно искажают понятие семьи, размывают даже вполне законодательно определённые её элементы, – полагаем, чтобы обеспечить правовую возможность в последующем относить к составу семьи кого угодно.

Учитывая то, что исследуемый законопроект был публично активно поддержан огромным числом иностранных организаций и российских организаций – иностранных агентов, откровенно продавливающих правовое признание гомосексуальных двоек (и иных перверсивных комплектаций) «семьей» и «брачными отношениями», выступающих, по сути дела, «прокси»-механизмом (проводником – исполнительным устройством) для иностранных и международных организаций, ставящих своей целью уничтожение традиционного института семьи⁹, целеполагание таких действий очевидно.

Очевидно, что делается это для постепенной трансформации (посредством подмены, принудительной аблации (направленного разрушения), вытеснения) классического традиционного понимания и толкования семьи как союза мужчины и женщины в целях рождения, рращения и воспитания детей – в понятие, вполне допускающее признание «семьей» гомосексуальные двойки или иные перверсивные комплектации – например тройки или четвёрки лиц, относящих себя к «третьему», «четвёртому» и т.д. «полу» («гендеру»).

Обязательно следует принимать во внимание то, кто именно проводит и поддерживает этот законопроект, прикрывая его правозащитной риторикой, риторикой будто бы защиты несчастных страдающих из-за домашнего насилия женщин. Это всё те же лица и организации, что агрессивно выступают за отмену совершенно правомерного правового запрета пропаганды гомосексуализма детям в России, стремясь превратить детей в живой товар для педофилов, создать условия для безнаказанного и свободного массового совершения в отношении несовершеннолетних детей развратных действий в интеллектуальных формах, растления детей.

⁹ Напомним экстремистское публичное высказывание представительницы гомосексуальной идеологии М. Гессен с требованием полного уничтожения института семьи: «...мы лжём, заявляя, что институт брака останется неизменным. Ведь это – враньё. Институт брака ожидают перемены, и он должен измениться. И повторяюсь ещё раз, я считаю, что он не должен существовать» (аудио-запись выступления (07:02 – 07:14); <https://abcmedia.akamaized.net/rn/podcast/2012/06/lms_20120611_0905.mp3>; <<https://www.abc.net.au/radionational/programs/lifematters/why-get-married/4058506>>).

Дефектно и закрепляемое статьёй 2 законопроекта определение понятия «*близкие лица*», хотя и несколько более широкое по своему охвату лиц: «*близкие лица – близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки) опекуны, попечители, а также лица, связанные свойством и (или) совместно проживающие и ведущие общее хозяйство*». Это определение понятия «*близкие лица*» не соотносится и не стыкуется с определением в той же статье 2 понятия «*семья*», а равно снова ошибочно относит супругов к категории родственников.

2.3. Дефектность дефиниции понятия «*семейный быт*» в законопроекте

Закрепляемое статьёй 2 законопроекта определение понятия «*семейный быт*» (неуместное в нормативном акте о домашнем насилии): «*семейный быт – уклад повседневной совместной жизни близких родственников (лиц), включающий удовлетворение духовных и материальных потребностей (в пище, одежде, жилище, лечении и поддержании здоровья), межличностное общение между близкими родственниками (лицами), а также совместный отдых и развлечения*» – так же обладает рядом очень существенных дефектов.

В этом определении зашит совершенно убогий, неприемлемый взгляд на онтологию семьи, основанный на гипертрофированном гедонизме и крайне примитивизированном конsumerизме. В частности, такой реализованный в дефиниции подход совершенно игнорирует совместное (членами семьи) делание (творчество, созидание), игнорирует такие действия, как забота и уход, а также иные (помимо духовных) нематериальные потребности.

Но главное, в этом определении вообще ничего не сказано про рождение и рашение, воспитание детей (родителями, бабушками и дедушками, другими их родственниками) как цели создания семьи и важнейшей онтологии семьи. Отрицать или явно игнорировать такое «нормально» исключительно только для бездетных «чайлд-фри» (агрессивно навязывающих свою деструктивную идеологию семьям с детьми) или откровенных социопатов. Ну, или опять же сделано это для разрушения, вытравливания¹⁰ традиционного понимания понятия семьи и должного к семье отношения, что грубейшим образом вступает в противоречие с публичным порядком Российской Федерации.

И вновь говорится только про близких родственников, хотя муж и жена – это лица, связанные не родственными (от слова «род») отношениями, а

¹⁰ Напомним, как О.В. Мартышин легко оправдывал «*вытравливание религии из сознания населения*» (Мартышин О.В. К дискуссии о светском государстве в Российской Федерации // Государство и право. – 2019. – № 3. – С. 74–84. – С. 80). Другие такие «мартышины» теперь вытравливают, выжигают традиционное понимание семьи.

отношениями брака (в противном случае, при расторжении брака они переставали бы быть родственниками).

2.4. Дефектность дефиниции понятия «сексуальное насилие» в законопроекте

Закрепляемое статьёй 2 законопроекта определение понятия «сексуальное насилие»: *«сексуальное насилие – деяние, посягающее на половую неприкосновенность или половую свободу пострадавшего с применением насилия или с угрозой его применения к пострадавшему или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния пострадавшего; насильственные действия сексуального характера путём применением насилия или с угрозой его применения к пострадавшему или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния пострадавшего; понуждение к действиям сексуального характера путём шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости пострадавшего, а также любые иные действия сексуального характера по отношению к несовершеннолетним»* – является юридико-технически и содержательно дефектным.

Здесь, будто бы под благими намерениями, дефиницию редундантно переполнили смысловыми наворотами, во многом дефектными, во многом неприемлемыми.

Понятие «половая неприкосновенность» («сексуальная неприкосновенность») применимо к несовершеннолетним лицам (до определённого «возраста согласия», в первую очередь применимо к малолетним детям), но не к иным лицам, в этом случае употребляются иные лексические конструкции. Вообще, попытка пересказать в весьма вольной интерпретации в этом законопроекте нормы главы 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» Уголовного кодекса Российской Федерации, продублировав его таким образом, не выдерживают никакой критики.

Неверным является и употребление лексической конструкции «половая свобода» в этой норме-дефиниции. У жены не может быть никакой «половой свободы» в отношении своего мужа и от своего мужа, у мужа не может быть никакой «половой свободы» в отношении своей жены и от своей жены. Свобода предполагает, прежде всего, именно то, что напрямую вкладывается в это понятие в языковом сознании. По сути дела, в этой норме разработчики закрепляют притязание (мнимое право) на свободу супружеской измены (адюльтера).

Если же речь в этой норме законопроекта идёт о правовом закреплении презюмирования изнасилования жены мужем в любом случае, за исключением того, как если только отсутствует какое бы то ни было (в любой форме и мере, хотя бы малейшее) её выражение нежелания или несогласия, в том числе – рождённого постфактум (по сути – речь идёт о закреплении необходимости юридического оформления каждый раз согласия супругов на половой акт между ними), то такая норма, очевидно, направлена на разрушение института брака.

«Я не могу придумать более очевидного фундаментального права человека, чем право мужчины заниматься сексом со своей женой», – заявил в 2019 году британский судья Хейден (Высокого суда Лондона) в профильном для этой темы судебном процессе¹¹.

Избиения и иные формы насилия в семье недопустимы, но на это имеется достаточный объём вполне эффективно работающих инструментов уголовного права. В ином же случае, эти обсуждения – вне поля возможностей вмешательства государства и, уже тем более, вне всякой возможности и всякой допустимости произвольно вмешиваться каким-то некоммерческим организациям. Эти вопросы принципиально вне любых отношений с такими организациями, вообще никаким образом к ним не относимы и с ними не соотносимы.

Употребление в указанной выше дефиниции законопроекта формулировки *«понууждение к действиям сексуального характера... с использованием материальной или иной зависимости пострадавшего»* в отношении мужа и жены (очевидно, что оба супруга находятся в разнообразных формах зависимости друг от друга) однозначно и априорно криминализует любую просьбу между супругами о сексуальных действиях, поскольку понятие *«понууждение»* в этом случае – совершенно семантически размытое и «резиновое». Понятие *«понууждение»* является вполне семантически определённым, когда речь идёт о не состоящих в браке начальнике и подчинённой (начальнице и подчинённом) и т.п., но оно полностью утрачивает свою определённость применительно к мужу и жене.

Подчеркнём, что именно такие размытые понятия на руку разработчикам законопроекта, которых заботят, в действительности, не проблемы семьи, а создание аморального разрушительного бизнеса на вмешательствах в семьи, иные

¹¹ Цит. по: *Bowcott O. English judge says man having sex with wife is «fundamental human right». Court of protection in London considering case involving woman with learning difficulties // <<https://www.theguardian.com/law/2019/apr/03/english-judge-says-man-having-sex-with-wife-is-fundamental-human-right>>. – 03.04.2019. Истерики частных лиц, вызванные такой его позицией, можно опустить как не имеющие отношения к рассматриваемому кругу вопросов и как аргументационно ничтожные.*

действительные субверсивные цели исследуемого законопроекта, лишь маскируемые ложной риторикой заботы о профилактике домашнего насилия.

2.5. Дефектность дефиниции понятия «психологическое насилие» в законопроекте

Закрепляемое статьёй 2 законопроекта определение понятия «психологическое насилие»: «психологическое насилие – умышленное унижение чести и (или) достоинства путём оскорбления или клеветы, **высказывания угроз совершения семейно-бытового насилия по отношению к пострадавшему или его близким лицам, знакомым, домашним животным, преследование, изъятие документов, удостоверяющих личность, принуждение посредством угроз либо шантажа к совершению преступлений и (или) правонарушений, аморальному поведению** или действиям, представляющим опасность для жизни или здоровья пострадавшего, а также ведущим к нарушению психической или психологической целостности; изоляция с целью лишения социальных контактов, предъявление требований, не соответствующих возрасту или возможностям гражданина, запрет на получение образования; умышленное уничтожение, повреждение или удержание имущества пострадавшего либо его родственников» – обладает значительным числом дефектов, нестыковок, натяжек и откровенных несуразиц, в силу чего является юридико-технически и содержательно дефектным, как следствие – угрожающем институту семьи в России.

Закрепить формулировку – «высказывание угроз совершения семейно-бытового насилия по отношению домашним животным» (например, всего лишь словесная угроза домашней кошке нанести ей лёгкий шлепок тапком по тыльной её части за то, что она оправила естественные надобности не в определённый ей лоток) как основание для грубого вмешательства, вторжения правоохранительных органов и «групп швондеров сегодня» в семьи для их третирования – такая идея могла родиться только в воспалённой фантазии выражено неадекватного лица.

Отметим, что самыми мягкими последствиями указанного «деяния» может стать «систематическое, превентивное и воспитательное воздействие на правосознание» такого лица (пункт 2 статьи 22) или «пресечение причин и предпосылок, способствующих совершению домашнего насилия» (статья 23).

Деяние, описываемое лексической конструкцией: «высказывание угроз совершения семейно-бытового насилия по отношению к знакомым пострадавшего», равно как и такие действия к «пострадавшему», – всё это в силу размытости, неопределённости употребляемой лексики создаёт действенные условия и предпосылки для массовых злоупотреблений, произвольных вторжений в семьи и их третирования, издевательств над ними.

«Действия, ведущие к нарушению психологической целостности» – это невесть что, закрепление такого в законопроекте совершенно недопустимо в силу полной размытости, неопределённости всего сказанного в этой лексической конструкции, буквально всех её частей.

Оскорбления в семье – это плохо, социально порицаемо и неприемлемо, но то, что люди сгоряча наговорили друг другу, в большинстве случаев забывается очень скоро, и не может быть основанием для принудительного извне разрушения семьи.

Принуждение к совершению каких именно правонарушений? Ведь формально правонарушением является переход дороги в неполюженном месте или выбрасывание мусора вне установленных мест. Это тоже, по смыслу предлагаемой нормы, будет основанием для третирования семьи. Изъятие каких документов имеется в виду? Разработчики законопроекта просто вместили в эту дефиницию всё, что только скоропалительно и нафантазировано взбрело в их головы.

Под формулировку *«изоляция с целью лишения социальных контактов»* вполне может попасть и обязательно попадёт (на это, очевидно, и есть прямой расчёт и умысел авторов законопроекта) любой обоснованный запрет родителей своему ребёнку на общение (продолжение общения), в том числе в социальных сетях, с негативно влияющими на этого ребёнка и/или представляющими опасность для него асоциальными маргинальными типами (например, знакомыми наркоманами или «зацеперами», членами суицидальных групп, перверсивными личностями) или даже с преступными элементами (педофилами, членами молодежной преступной группировки и т.д.). Такие лица (ограждения своего ребёнка от общения с которыми могут обоснованно потребовать родители) на себе табличку с указаниями именно таких своих свойств не носят, и родители уже ничего не сумеют доказать тем, кто возбудит против их семьи процессуальные производства, запустит меры, предусматриваемые законопроектом, по данному явно надуманному основанию.

Под формулировку *«предъявление требований, не соответствующих возрасту или возможностям гражданина»* вполне может попасть и обязательно попадёт любое обоснованное требование родителей к своему ребёнку в части привлечения его к помощи по дому, по даче, по уходу за родственниками, по выполнению его (предписанных его родителями) семейных обязанностей, наконец – по приготовлению уроков. Всего-то надо будет найти мнимого «эксперта», заявляющего, что эти требования не соответствуют возрасту ребёнка.

Это будет легче сделать в отношении одарённых, талантливых детей, поскольку их учебная нагрузка разумно-рационально организуется на более

высоком уровне сложности, нежели потянут их сверстники. Но тогда это, тем более, явится крайне антиобщественной мерой.

В силу всего этого, вызывает вопросы и формулировка *«принуждение к аморальному поведению»*, поскольку из законопроекта становится очевидно, что понимание аморального поведения у абсолютного большинства населения России и у разработчиков законопроекта существенно различается.

2.6. Дефектность дефиниции понятия «физическое насилие» в законопроекте

Закрепляемое статьёй 2 законопроекта определение понятия *«физическое насилие»*: *«физическое насилие – умышленные насильственные действия, любое иное умышленное физическое воздействие (лишение свободы, понуждение к употреблению психо-активных веществ и другое), причинившие вред здоровью и (или) физическую боль, попытки такого насилия, а также умышленный противоправный отказ в удовлетворении основных потребностей в уходе, заботе о здоровье и личной безопасности пострадавшего, неспособного в силу возраста, болезни, инвалидности, материальной зависимости либо по иной причине, защитить себя от насилия, что может привести к смерти, причинить вред его физическому или психическому здоровью, физическую боль, нанести ущерб чести и достоинству его личности, а также психическому, физическому или личностному развитию»* – так же не выдерживает никакой критики, является юридико-технически и содержательно дефектным.

Использование в формулировке данной дефиниции лексических конструкций (да ещё и одновременно) *«любое иное»*, *«и другое»* и *«либо по иной причине»* позволяет сделать содержание интерпретации этого понятия (*«физическое насилие»*) весьма растяжимым, практически безграничным, наполняемым содержанием по произвольному субъективному злоупотреблению и злонамерению, совершенно вольному усмотрению заинтересованного лица.

Указание на *«ущерб личностному развитию»* так же открывает широчайшие возможности для произвола и злоупотреблений в отношении семей, третирования их. Хотя бы уже потому, что организации, активно поддерживающие данный законопроект, транслируют и навязывают идеологему о том, что гомосексуальные отношения – это продвинутый, более развитый образ жизни, достигаемый в результате *«личностного развития»*.

Столь же размытой является лексическая конструкция *«отказ в удовлетворении основных потребностей»*, которую можно экстраполировать на что угодно по произвольному усмотрению заинтересованного лица.

Но главным недостатком этой дефиниции является использование формулировок «умышленное физическое воздействие, причинившие физическую боль» (да ещё и «попытки такого насилия»), «противоправный отказ в удовлетворении основных потребностей, что может причинить физическую боль»¹² – в силу их недопустимо большой содержательной размытости, правовой неопределённости, что влечёт возможность произвольной расширительной интерпретации формулировки исследуемой дефиниции при правореализации. Объём деяний, охватываемых данной формулировкой, не содержит чётких и ясных по значению границ (не говоря уже о многочисленных «может», «попытки»).

Прежде всего, это связано с крайней сложностью правовой интерпретации понятия «боль». Понятие «боль» – это вообще одна из сложнейших для понимания, фиксации и интерпретации категорий не только медицины, но и права (прежде всего – конституционного права и медицинского права)¹³. И если в целях оказания паллиативной медицинской помощи подход Марго Маккэффри 1968 года: «Что пациент назовёт болью, тем она и является; боль существует всегда, когда пациент говорит, что она существует»¹⁴ – вполне и более чем применим (другого релевантного пока не изобрели), то в качестве основания для третирувания семьи этот подход совершенно не пригоден. Здесь абстракциями и фантазиями («мне кажется» или «я могу это и так назвать») не обойтись, а на реальное причинение вреда или угрозу такового имеются инструменты уголовного законодательства.

¹² Мы уже разбирали этот подход ранее, см.: Понкин И.В., Кузнецов М.Н. Заключение от 08.07.2016 на Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в части закрепления новой редакции статьи 116 Уголовного кодекса Российской Федерации // http://ruskline.ru/analitika/2016/07/08/zaklyuchenie_na_federalnyj_zakon_ot_3_iyulya_2016_g_323_fz_v_chasti_zakrepleniya_novoj_redakcii_stati_116_uk_rf.

¹³ См. подробнее: Понкин И.В., Понкина А.А. Юридическое определение понятия «боль» // Медицина. – 2016. – № 1. – С. 1–15. Понкин И.В., Понкина А.А. К вопросу о содержании права на избавление от боли // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – 2018, май. – № 4. – С. 160–162. Понкин И.В., Понкина А.А. Право на избавление от боли: содержание, природа, гарантии // Право и образование. – 2018. – № 6. – С. 46–53. Понкин И.В., Понкина А.А. Правовое регулирование паллиативной медицинской помощи. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. – 176 с. Понкин И.В., Понкина А.А. Паллиативная медицинская помощь: Понятие и правовые основы. – М.: Изд. ред. журнала «ГлавВрач», 2014. – 75 с. (Приложение к журналу «ГлавВрач» № 1/2014).

¹⁴ McCaffery M. Nursing Practice Theories Related to Cognition, Bodily Pain, and Man environment Interactions. – Los Angeles (CA, USA): University of California at Los Angeles Students' Store, 1968. – P. 95.

Следует отметить, что в жизни существует множество ситуаций, когда в интересах защиты здоровья, жизни и нравственного развития ребёнка его родители объективно вынуждены применять физическую силу к ребёнку, принуждать его к некоторым действиям вопреки его желанию. Но такие ситуации, объективно не образующие общественной опасности, могут быть субъективно произвольно подведены под описание, даваемое в рассматриваемой дефиниции. В силу дефектности рассматриваемой нормы-дефиниции такая может быть применена в неограниченном числе случаев.

Например, когда ребёнок, пытается перебежать в неположенном месте дорогу перед движущимся транспортом или находится вблизи угрожающего его жизни и здоровью иного источника повышенной опасности (открытый и неогороженный колодец системы канализации, оголённая электропроводка под напряжением и т.д.), то находящийся рядом родитель, крепко удерживая ребёнка за руку или резко отталкивая ребёнка от угрожающего источника опасности, невольно может причинить ему физическую боль. В случае пресечения совершаемого детьми правонарушения, например, драки между детьми, может потребоваться немедленное применение физической силы для растаскивания дерущихся и удержания их на расстоянии друг от друга, при этом ребёнку может быть неумышленно причинена физическая боль. Когда отец учит своего сына приёмам и навыкам самообороны, это может рассматриваться как действия, которые *«могут причинить физическую боль»*.

Фактически и юридически каждая из вышеперечисленных ситуаций (может быть много такого рода ситуаций) может быть произвольно подведена (отрицая её малозначительность) под формулировку исследуемой нормы-дефиниции, поскольку совершены действия, которые *«могут причинить физическую боль»* или причинили таковую.

Дети в силу возраста, когда они бегают, прыгают, иным образом играют, могут совершать падения и получать различного рода ушибы, даже травмы, повреждения. Доказать, что к этим событиям не причастны члены семьи и что действия членов семьи не подпадают под формулировку исследуемой нормы-дефиниции, будет крайне затруднительно, поскольку указанная формулировка всё это необоснованно охватывает, то есть влечёт возможность произвольной оценки и не обеспечивает правовую определённость.

2.7. Дефектность дефиниции понятия «пострадавший» в законопроекте

Закрепляемое статьёй 2 законопроекта определение понятия «пострадавший»: *«пострадавший – физическое лицо, которому домашним насилием причинён моральный, физический и (или) имущественный вред либо иным образом нарушены его права, свободы или законные интересы, нуждающийся в специальной социальной защите, в том числе в социальном обслуживании»* – является классическим примером дефектной дефиниции, а ведь это ещё одно базовое понятие законопроекта, на него содержательно завязаны все частные дефиниции видов артикулируемого «домашнего насилия».

Последняя часть – *«нуждающийся в специальной социальной защите, в том числе в социальном обслуживании»* – это подмес в дефиницию – описаний последствий того, что лицо стало «пострадавшим»; и для изложения и понимания сути понятия избыточно и излишне, не имеет значения.

Таким образом, в качестве пострадавшего законопроектом обозначается лицо, которому *«причинён моральный, физический и (или) имущественный вред либо иным образом нарушены его права, свободы или законные интересы»*.

Поскольку мы все живём в онтологии бесконечных нарушений наших прав и свобод (например, даже небольшим затягиванием при истребуемой нами их правовой защите или фактической реализации), а равно многочисленных нарушений наших законных интересов (в том числе по причине ошибки, по стечению обстоятельств, из-за отсутствия именно в этот момент возможности обеспечить наши законные интересы, в связи с конкуренцией наших законных интересов с законными же интересами иных лиц), то именно так определять пострадавшего – это абсурд. Существенно важны здесь форма и мера нарушения прав, свобод и законных интересов, конкретизация таких нарушаемых (нарушенных) прав, свобод и законных интересов, конкретизация и чёткая фиксация наличия и меры общественной опасности таких нарушений.

И что ещё весьма важно: нанесение (причинение) вреда «пострадавшему» «нарушителем» и претерпевание этого вреда «пострадавшим» законопроектом просто презюмируется по крайне размытому кругу оснований (статья 24 и др. законопроекта) – например, на основании любого оговора или доноса, основанного на фантазии или злом умысле, по основанию просто подозрения или же субъективного желания представителя «группы швондеров сегодня» проверить («проинспектировать») семью на предмет, нет ли там хоть каких-то возможных зацепок, хоть каких-то оснований придраться.

2.8. Дефектность дефиниции понятия «экономическое насилие» в законопроекте

Закрепляемое статьёй 2 законопроекта определение понятия «экономическое насилие»: *«экономическое насилие – умышленное лишение человека жилья, пищи, одежды, лекарственных препаратов, медицинских изделий или иных предметов первой необходимости, имущества, денежных средств, на которые он имеет предусмотренное законом право, умышленное уничтожение или повреждение имущества, либо иное причинение имущественного вреда; запрет на трудоустройство; запрет или создание препятствий во владении, пользовании общим имуществом; отказ содержать нетрудоспособных лиц, находящихся на иждивении; принуждение к тяжёлому и вредному для здоровья труду, в том числе несовершеннолетнего члена семьи, а также иные подобные действия, вызывающие негативные материальные последствия для пострадавшего»* – это, конечно же, совершеннейшая новация в праве и «чемпион» по абсурдности среди формулировок исследуемого законопроекта.

Окказиональная лексическая конструкция «экономическое насилие» – это результат псевдонаучного социального экспериментаторства (сводимый в имеющемся в объёме публикаций об этом в основном к следующим «объясняющим» примерам: *«жена должна просить деньги у мужа (всегда или время от времени), жена обязана отчитываться перед мужем (во всех или в большей части расходов)»¹⁵*). В рамках такого подхода презюмируется как обязательный к применению и единственно верный, приемлемый образ мужчины в браке и семье – образ бессловесного и бесправного раба и при этом, парадоксальным образом, крайне отчего-то гипертрофированно-патологически алчного, жадного и бессердечного (на фоне презюмируемо безусловно-стигматизируемого образа женщины в браке), что само по себе к науке и объективной реальности никакого отношения не имеет (исключения подтверждают правило), но зато имеет истоки в радикальной идеологии феминизма (в гомосексуальной – лесбийской – её части). На столь же «научных» (точнее – антинаучных) основания можно относить к «экономическому насилию» стремление отдельных женщин материально паразитировать на мужчинах и бесконечно тянуть с них деньги, воспринимая их исключительно как «денежные кошельки». Весь этот бред к реальному отображению онтологии семьи и к должному правовому её регулированию вообще никакого отношения не имеет. Тем более, для описания финансовых отношений внутри семьи абсолютно

¹⁵ Горшкова И.Д., Шурыгина И.И.
<http://www.owl.ru/rights/no_violence/p23-35.pdf>.

неприемлем и не подходит термин «насилие». Можно говорить о неисполнении своих обязанностей по содержанию членов семьи, но к насилию или ненасилию всё это отношения не имеет. Не все идеологически мотивированные абсурдные фантазии воплотимы в жизнь с помощью правовых конструкций, и, уж тем более, следует весьма осторожно воспринимать подобного рода требования и притязания.

Для понимания этой идеологемы и её истоков существенно важно следующее. Анализ публикаций гомосексуалистов о так называемой «гей-культуре» позволяет выявить, что одной из её характерных черт является выраженная ненависть и нетерпимость представителей «мужского» гомосексуализма к женщинам нормальной сексуальной ориентации, по существу – расистское к ним отношение как к неполноценным существам, неполноценному расовому виду. Такое отношение широко распространено и на бытовом уровне среди соответствующих лиц. Так, составленный Владимиром Козловским на основе многолетних исследований, изданный в Нью-Йорке¹⁶ и впоследствии многократно переопубликованный на русскоязычных интернет-сайтах словарь «Арго русской гомосексуальной субкультуры» и ряд других словарей зафиксировали массовые распространённость и использование среди представителей «мужского» гомосексуализма уничижительно-оскорбительных слов и выражений в отношении женщин: «*двужопый крокодил*», «*двустволка*», «*мокрощелка*», «*пустодырая*», «*оплеушина*», «*проплешина*», «*зассыха*». Распространённость в гомосексуальной среде указанной оскорбительной, экстремистской риторики настолько обширна¹⁷, что обоснованно заявлять о таком экстремистском отношении к женщине с нормальной сексуальной ориентацией как существенном элементе «мужской» гомосексуальной «культуры» и идеологии¹⁸. Аналогично, дисфорично-уничижительное, выражено негативное и нетерпимое отношение к мужчинам нормальной сексуальной ориентации (по существу – расистское к ним отношение как к неполноценным существам, неполноценному расовому виду, рабам, достойным лишь того, чтобы на них паразитировали, презюмируемым в любой ситуации как заведомо и априорно «агрессоры» и «насильники») совершенно определённо проистекает из экстремистской идеологии «женского» гомосексуализма.

¹⁶ Козловский В. Арго русской гомосексуальной субкультуры. Материалы к изучению. – Нью-Йорк, 1986. – 228 с.

¹⁷ Оценка сделана на основе контент-анализа содержания форумов нескольких крупнейших интернет-сайтов гомосексуалистов.

¹⁸ Понкин И.В., Михалева Н.А., Кузнецов М.Н. Правовые основы защиты общества от агрессивного давления субверсивной идеологии аморализма / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. – М.: Буки-Веди, 2016. – 232 с. – С. 146.

Поскольку, как минимум, половина населения России (мужская) с таким отношением категорически не согласна, закреплять это правовыми средствами совершенно недопустимо (кроме, разве что, норм, запрещающих такую идеологию).

Но даже и этот агрессививно-феминистский идеологически-мотивированный бред разработчики законопроекта не сумели путным образом прописать, превратив рассматриваемую дефиницию в пример абсурда.

Использование в формулировке данной дефиниции лексических конструкций *«либо иное причинение имущественного вреда»*, *«а также иные подобные действия»* и *«или иных предметов первой необходимости»* (при полной содержательной размытости формулировки *«вызывающие негативные материальные последствия для пострадавшего»*) позволяет сделать содержание интерпретации этого понятия (*«экономическое насилие»*) весьма растяжимым, практически безграничным, наполняемым содержанием по произвольному субъективному злоупотреблению и злонамерению, совершенно вольному усмотрению заинтересованного лица.

Под формулировку *«запрет или создание препятствий во владении, пользовании общим имуществом»* вполне может попасть и обязательно попадёт любой обоснованный временный запрет родителей ребёнку, получившему двойку в школе или иным образом провинившемуся, на просмотр телевизора либо пользование стационарным компьютером или планшетом.

Под формулировку *«принуждение к тяжёлому и вредному для здоровья труду, в том числе несовершеннолетнего члена семьи»* вполне может попасть и обязательно попадёт случай, когда родители привлекли ребёнка работать у себя на даче или помогать делать ремонт у себя же дома.

Под формулировку *«умышленное лишение человека лекарственных препаратов»* может попасть случай, когда родители ребёнка, к примеру, отказались от его вакцинации сомнительной вакциной, запрещённой за рубежом (например, в Японии, США или Евросоюзе), но коррупционными методами допущенной к использованию в России.

Формулировка *«умышленное лишение человека медицинских изделий»* совершенно определённо предназначена для обеспечения активизации деятельности лиц, стремящихся под прикрытием *«секспросвета»*, *«полового воспитания»* и т.п. совершать в отношении несовершеннолетних детей в школах развратные действия в интеллектуальных формах, растлевать их, поскольку таковые лица маниакально зациклены на пафосной раздаче школьникам

презервативов (медицинских изделий)¹⁹. И любое воспрепятствование родителями таким акциям легко будет подведено под эту формулировку элемента «экономического насилия», со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Что есть «умышленное лишение человека жилья»? Какого жилья? Исходя из смысла законопроекта, к такой ситуации субъективно произвольно могут быть отнесены помещения, не отвечающие установленным для жилых помещений требованиям. Подпункт 3 пункта 1 статьи 51 Жилищного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 26.07.2019) определяет такую ситуацию лишь как основание (в ряду других оснований) для признания граждан нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма. А исследуемый законопроект, исходя из его содержания и направленности, создаёт основания вторгаться в семью.

В России достаточно велико количество семей, члены которых впятером-вдесятером вынуждены проживать в малогабаритных одно- или двухкомнатных квартирах, а то и в «коммуналках». И это вполне может быть субъективно-произвольно оценено чиновниками или «группами швондеров сегодня» как неприемлемые жилищные условия. Если семья с детьми проживает в общежитии, норма предоставления в которых, согласно статье 105 Жилищного кодекса РФ, не менее установленного числа квадратных метров жилой площади на одного человека, но семье не дают (или не оказывают помощи в приобретении) большего помещения, то кто в этом виноват – сама семья? Или семья проживает в ветхом здании (например, барачного типа), каковых по всей стране ещё огромное количество. Комиссиями дом периодически признаётся непригодным для проживания, но у местной администрации нет средств на отселение жителей в новые или хотя бы приемлемые жилые помещения. И люди годами живут с риском гибели под обрушившимся зданием. Де-факто всё это не влечёт немедленного их отселения. Но зато, по смыслу законопроекта, вполне может стать основанием для вторжения чиновников или «групп швондеров сегодня» в семью, даже для отобрания детей.

Про жилища малочисленных северных народов и говорить нечего, они, по меркам разработчиков законопроекта, совершенно не будут отвечать требованиям приемлемости жилищных условий. Но кто виноват в бедности большого числа

¹⁹ См. об этом подробно: *Понкин И.В.* «Половое воспитание» школьников в России. Материалы к оценке масштабов бедствия // Нравственные императивы в праве, образовании, культуре и науке: гражданско-правовые и конституционно-правовые аспекты: Сб. / Отв. ред. и сост. М.Н. Кузнецов, И.В. Понкин. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2010. – 729 с. – С. 433–540.

семей и в отсутствии у них нормальных жилищных условий, в бедности существенной части населения России?

По существу, разработчики законопроекта навязывают российскому обществу антигуманный принцип: «если ты беден, тебе нельзя иметь детей». Законопроектом вместо решения реальных проблем семей предусматривается выделение колоссальных средств на то, чтобы разрушать эти семьи.

Совершенно очевидно, что социально несравненно, несопоставимо более полезным эти средства было бы направить на улучшение жилищных условий семей, на борьбу с монопольно высокими ценами в сфере детской одежды и обуви, детского питания и детских игрушек, нежели на содержание создаваемой армии чиновников и функционеров вовлекаемых некоммерческих организаций.

Вызывает глубокое сомнение формулировка *«умышленное лишение человека денежных средств, на которые он имеет предусмотренное законом право»*. О каких именно деньгах идёт речь? Под эту формулировку вполне может попасть и обязательно попадёт любой обоснованный отказ родителей ребёнку, получившему двойку в школе или иным образом провинившемуся, или ставшему наркоманом, временно выдавать карманные деньги.

Бессмысленно задавать какие-то вопросы разработчикам законопроекта насчёт всего этого, поскольку очевидна главная цель авторов законопроекта – прописать в законопроекте как можно больше всевозможных семантически слабоопределённых или вообще содержательно размытых формулировок, чтобы создать максимально благоприятный режим произвольного вмешательства, вторжения в семьи, третирования и преследования семей по надуманным основаниям.

3. Создание законопроектом (как одна из двух основных его целей) правовых основ, условий, механизмов и предпосылок для разрушения традиционно понимаемого и существующего института семьи в России

Одним из существенных недостатков законопроекта является явный дисбаланс в структуре изменяемых им действующих и вводимых им новых правовых норм и механизмов – перекоп в сторону абсолютного превалирования введения новых и усиления действующих репрессивных и контрольных функций государственных органов и создания широчайших полномочий «групп швондеров сегодня» над положениями, защищающими семьи.

Без закрепления гарантий охраны и защиты прав и законных интересов ребёнка и его семьи от произвола чиновников этот законопроект (несколько его декларативных положений не имеют значения) превращается в инструмент бесконтрольного и безнаказанного произвольного вторжения во внутренние дела российских семей, бесконечного их третирования. Причём отсутствие необходимых гарантий и механизмов обеспечения и защиты прав и законных интересов ребёнка и его семьи в их взаимоотношениях с органами исполнительной и судебной власти существенно усугубляется созданием законопроектом правовой возможности практически бесконтрольного вторжения некоммерческих организаций в сферу семейных отношений.

С семейным насилием следует бороться, необходима профилактика, но существующих уголовно-правовых инструментариев для пресечения и профилактики таких преступлений вполне достаточно. И наличие таких случаев совершенно не оправдывает неправомерного (с точки зрения Конституции России и международного права), произвольного и злонамеренного вторжения чиновников и, уж тем более, некоммерческих организаций в благополучные российские семьи, неправомерного изъятия детей из семей по надуманным причинам (таких случаев и без предлагаемого законопроекта уже фиксируется по всей стране достаточно большое число).

Законопроект будет способствовать разрушению института семьи в России, поскольку создаёт механизм финансирования за счёт российских налогоплательщиков деятельности большого числа сомнительных (как минимум, совершенно не очевидно, что позитивных по своей деятельности) некоммерческих организаций и существенно разрастающейся, согласно замыслу разработчиков законопроекта, системы государственных органов, которые будут вынуждены для оправдания собственной необходимости продуцировать бесконечные скандалы вокруг мнимых нарушений прав детей и других членов семей, например, в случаях применения родителями умеренных и разумных

(вполне в рамках закона) воспитательных мер в отношении своих детей, в случаях низкого материального достатка семей, в иных случаях, совершенно не требующих направленного на разрушение семьи реагирования. Законопроект стимулирует массовое воспроизводство и разрастание социального слоя творящих произвол чиновников и просто неадекватных людей, которые будут видеть своё важное предназначение в том, чтобы бесконечно соваться в чужие дела, в неправомерном (хотя формально и обеспеченном законом, проект которого исследуется в настоящем заключении) и систематическом вмешательстве во внутренние дела семей. Ни одна, даже самая крепкая, семья не выдержит испытаний бесконечным вторжением в её внутренние дела каких-то подобного рода совершенно посторонних личностей, делающих бизнес именно на такой деятельности.

Семья – это основной воспитывающий ребёнка социум, а приоритетные права родителей на воспитание своих детей в законопроекте подменяются на всего лишь обеспечение участия родителей в воспитании ребёнка. Законопроектом родители низводятся на один уровень с какими-то совершенно посторонними личностями, лезущими во внутренние дела семьи. Права и законные интересы семьи (как единого целого, как микросоциума), а также каждого из членов семьи (родителей, бабушек и дедушек ребёнка, его братьев и сестер, иных родственников) совершенно проигнорированы в законопроекте. Такой подход является противоправным и грубейшим образом посягает на приоритетные права родителей на воспитание своих детей, приоритетные права семей, закреплённые в целом ряде международных актов и документов о правах человека.

Так, согласно преамбуле Международной Конвенции о правах ребёнка от 20.11.1989, именно **«семье как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех её членов**, и особенно детей, должны быть предоставлены необходимые защита и содействие, с тем чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества». В соответствии с пунктом 3 статьи 3 указанной Конвенции, «государства-участники обязуются обеспечить ребёнку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, **принимая во внимание права и обязанности его родителей**, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону». Пункт 1 статьи 8 указанной Конвенции определяет, что **«государства-участники обязуются уважать право ребёнка на сохранение своей индивидуальности, включая ... семейные связи**, как предусматривается законом, не допуская противозаконного вмешательства». Согласно пункту 3 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966:

«Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов... обеспечивать ... воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями». Пункт 4 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966: «Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов обеспечивать ... воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями». Пункт 1 статьи 24 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Каждый ребёнок ... имеет право на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего **со стороны его семьи, общества и государства**» (семья на первом месте). Согласно Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (принята резолюцией № 41/85 Генеральной Ассамблеи от 03.12.1986), каждое государство должно уделять первоочередное внимание благополучию семьи и ребёнка (статья 1). Благополучие ребёнка зависит от благополучия семьи (статья 2). Забота о ребёнке лежит прежде всего на его собственных родителях (статья 3). И только в случае, «если родители не проявляют заботы о своём ребёнке или она является ненадлежащей, **то следует рассмотреть вопрос о заботе о нем со стороны родственников родителей ребёнка**, о передаче, ребёнка на воспитание в другую семью или об усыновлении или, в случае необходимости, о помещении ребёнка в специальное учреждение» (статья 4).

Согласно пункту 16 Воззвания Международной конференцией по правам человека в Тегеране от 13.05.1968, «родители обладают неотъемлемым правом свободно и с чувством ответственности определять число детей и сроки их рождения». Следовательно, ни государство, ни некоммерческие организации не вправе определять требования к уровню благосостояния семьи в зависимости от количества надлежащим образом воспитываемых в ней детей. Низкий уровень благосостояния семьи должен являться основанием не для отобрания детей, а для материальной поддержки этой семьи.

Пункт 21 Венской декларации и Программы действий (принята 25.06.1993 Всемирной конференцией по правам человека) подчеркивал, что «для полного и гармоничного развития личности ребёнок должен расти в условиях семьи, которая в этой связи заслуживает большей защиты».

В соответствии с частью 2 статьи 38 Конституции Российской Федерации, забота о детях, их воспитание – равное **право** и обязанность родителей. Пункт 1 статьи 63 Семейного кодекса Российской Федерации устанавливает, что родители

имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами.

Все приводимые в законопроекте так называемые виды домашнего (семейно-бытового) насилия – дефектно сформулированные, по смыслу положений законопроекта – совершенно надуманные, окказионально хаотично скомпилированные в части их дефиниций. А следовательно, их задействие в реализации норм законопроекта (при его принятии) не только ничего не даст в части заявленной как цели и сути законопроекта профилактики домашнего насилия, но, напротив, явится основанием для массовых злоупотреблений и издевательств в отношении российских семей.

Исследуемый законопроект целевым образом направлен (доминантное интегральное предназначение) на создание правовых условий и инструментов для ничем не оправданного, массированного группового агрессивного разрушительного вторжения (в том числе и прежде всего – со стороны «групп швондеров сегодня» – *«некоммерческих организаций, осуществляющих в соответствии с учредительными документами деятельность в сфере профилактики домашнего насилия»*, – по смыслу подпункта 6 пункта 1 статьи 8, статей 17, 18 и др. законопроекта) во внутренние полностью автономные дела семей, для осуществления грубейшего произвола в отношении семей (прежде всего – семей с детьми), создания интенсивной атмосферы страха семей и их членов перед клеветой, оговорами, заведомо ложными доносами со стороны третьих лиц (или даже отдельных членов семьи), массового третирования российских семей, для стимулирования такого произвола и беззакония.

Реальными и вполне закономерными последствиями таких (вносимых законопроектом) изменений законодательства Российской Федерации станут:

- интенсивное разрушение института семьи в России;
- возбуждение и всплеск насилия и вражды, массовые случаи криминальных посягательств на семьи и ответно спровоцированного самоуправства и применения насилия со стороны членов семей, подвергнувшихся третированию, в отношении «групп швондеров сегодня»;
- заваливание судебных инстанций массой «высосанных из пальца» дел по разбирательствам вследствие произвольного вмешательства в семьи;
- по существу, разворовывание (нецелевое или противоречащее публичным интересам расходование) значительных бюджетных средств всевозможными «группами швондеров сегодня», прикрываемое сфальсифицированными или умышленно противоправно спровоцированными ими разбирательствами в отношении семей под прикрытием риторики профилактики домашнего насилия.

Выводы

Проект федерального закона «Об основах системы профилактики домашнего насилия в Российской Федерации», подготовленный рабочей группой под руководством заместителя Председателя Совета Федерации Г.Н. Кареловой, в редакции на 09.10.2019, радикально расходится по своим действительным целям с декларируемыми его авторами целями. Заявленные цели законопроекта не совпадают с прогнозируемыми реальными результатами его реализации в случае принятия данного проекта федерального закона, поскольку практически все его положения, в действительности, не будут способствовать решению задач профилактики семейного домашнего (семейного, семейно-бытового) насилия.

Законопроект характеризуется множеством критических недостатков, в том числе концептуального и юридического характера, противоречит Конституции Российской Федерации, международным актам о правах человека, Семейному кодексу Российской Федерации. Принятие этого законопроекта вступит в существенное противоречие с фундаментальными правами семей (прежде всего – семей с детьми), детей и их родителей (законных представителей), с публичными интересами и публичным порядком Российской Федерации. Законопроект в случае его принятия будет способствовать массовым нарушениям прав и законных интересов семей, прав ребёнка, разрушению института семьи в России, по многим направлениям будет прямо способствовать обострению социальных проблем. Всё это обуславливает правовую и социальную неприемлемость данного законопроекта.

07.11.2019

Понкин Игорь Владиславович, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, член Экспертного совета при Комитете Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений

<http://moral-law.ru>